

Русселе Л.

ЗАКЛИНАТЕЛЬ ЗМЕЙ
РАССКАЗЫ

КЛАССИКА
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

Классика приключенческого романа

Луи Русселе

Заклинатель змей. Рассказы

«Алисторус»

1878

УДК 821.133.1
ББК 84(4 Фр)

Русселе Л.

Заклинатель змей. Рассказы / Л. Русселе — «Алисторус»,
1878 — (Классика приключенческого романа)

ISBN 978-5-486-03685-9

Луи Русселе (1845–1929) – французский путешественник и географ. В 1863 г. был послан в Индию с поручением собрать памятники французского влияния в Декане, а в 1865 г. предпринял, при содействии английского правительства, поездку с археологическими и этнографическими целями во внутренние области Индии, остававшиеся под владычеством туземных правителей. Во время этой поездки Русселе одним из первых исследовал знаменитую группу буддийских памятников в Санчи. Результаты своих изысканий он изложил в ряде статей, напечатанных в журнале «*Tour du monde*» (1871–1873). Русселе использовал свой богатейший опыт для создания художественных произведений. Представленный в этом томе роман «Заклинатель змей» повествует о временах знаменитого восстания сипаев – одного из самых трагических эпизодов английского владычества в Индии. Его герой, молодой принц Нана-Сагиб, несмотря на клятву верности, принесенную королеве Виктории, вынашивает план мести и готовится устроить колонизаторам кровавую резню. Кроме того, здесь же публикуются избранные рассказы из книги «Индия раджей».

УДК 821.133.1
ББК 84(4 Фр)

ISBN 978-5-486-03685-9

© Русселе Л., 1878

© Алисторус, 1878

Содержание

Заклинатель змей	7
Глава I	7
Глава II	11
Глава III	15
Глава IV	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Луи Русселе

Заклинатель змей

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2010

© ООО «РИЦ Литература», 2010

* * *

Заклинатель змей

Глава I На берегах Ганга

Приближалось утро. Золотистое зарево охватило на востоке небо; еще немного, и знойное солнце Индии зальет землю своими горячими лучами. Одна за другой гасли звезды, и только созвездие Южного Креста горело по-прежнему ярко и, казалось, не хотело уступать место прекрасному светилу дня.

В чистом свежем воздухе стояла мертвая тишина. Даже в джунглях, где почти всю ночь напролет заунывно выли шакалы и раздавался отвратительный вой гиен, – тоже воцарилось безмолвие. Дикие обитатели джунглей торопились в свои логова, и быстрые тени их то тут, то там мелькали в густой поросли.

Тишь, глубокая, непробудная тишь наступает в Индии в момент почти мгновенного перехода от непроглядного ночного мрака к сиянию дня. Здесь нет алеющих зорь, нет сумерек; едва лишь первые лучи солнца скользнут по легким облакам – природа сразу оживает и жизнь закипает ключом.

Священная обезьяна лангур, прозванная браминами вестником солнца – чубдар-суриа, первой приветствует рождающееся светило протяжным гортанным «гу-гу». И тотчас, словно по волшебству, весь лес оглашается тысячами голосов, и солнце торжественно всплывает над горизонтом при звуках многоголосого концерта.

Но пока все еще было тихо. Ничто не нарушало безмолвия широкой, окутанной полумраком равнины. Пусто было кругом, и только по тропинке, лентой выходящей вдоль правого берега Ганга, медленно брел старик, согнувшись под тяжестью двух больших корзин, свисавших по краям длинной, перекинутой через плечо бамбуковой палки.

Время от времени старик останавливался, снимал свою ношу и, выпрямившись, озабоченно глядел вдаль. Первые лучи утренней зари обливали каким-то фантастическим багровым светом бронзовое исхудавшее тело путника, едва прикрытое лохмотьями. Старик этот был, без сомнения, странствующим нищим, а между тем, глядя на его строгое, выразительное лицо, с белой, как снег, бородой, его скорее можно было принять за жреца одной из таинственных сект, которых так много на обширном индийском полуострове.

Измученный долгой дорогой старик еле передвигал ноги; тяжелая ноша оттягивала ему плечи, и из его груди то и дело вырывался глухой стон. Медленно, шаг за шагом плелся бедняга по высокому берегу Ганга, как вдруг ему преградил дорогу глубокий овраг, на дне которого блестела вода и зеленели лотосы. Моста не было, дорога круто сворачивала и отходила далеко в сторону. Немного поодаль чуть заметная тропинка, спускавшаяся к самой воде, указывала, что в этом месте овраг можно было перейти вброд. Но путник наш остановился в нерешимости, поставил на землю корзины и, чуть не плача, воскликнул:

– О святая мать Парвати¹, когда же я наконец доберусь до дома и дам старым костям покой. Со вчерашнего дня, лишь только зашло солнце, всю долгую ночь брел я по берегу священного Ганга; вот-вот опять взойдет солнышко, а мне все негде голову преклонить и отдохнуть с моими друзьями. На том месте, где дорога сворачивала в Каунпор, я встретил брамина – он молился перед изображением бога – покровителя дорог. Я подошел ближе и стал смиренно просить позволить мне погреться у жертвенного огня. Но не пожалел меня гордый брамин:

¹ Парвати (санскр. «горная») – в индуизме одно из имен супруги бога Шивы.

«Поди прочь, нечистый натх!² – крикнул он. – Твое присутствие оскверняет священный пламя». Я мог бы, конечно, проучить его как следует – недаром ведь я слышу за чародея, да пожалел его и побрел своей дорогой. И вот, когда наконец вдали завиднелось жилье, куда меня, наверное, пустили бы отдохнуть, проклятый овраг преградил мне дорогу. О Шива³, вразуми своего раба, могу ли я довериться этим водам, где, может быть, притаился страшный крокодил!

Мольба его осталась без ответа. Сгорая от нетерпения добраться поскорее до гостеприимного крова, с трудом поднял путник корзины, спустился, опираясь на посох, в овраг и, призвав еще раз Шиву на помощь, храбро вошел в воду.

Ноги его глубоко уходили в илистое дно, длинные стебли лотосов мешали двигаться, хоть и с большим трудом он все-таки добрался до другого берега. Одной ногой он уже успел ступить на землю, как вдруг из воды вынырнул огромный крокодил. Широко раскрыв страшную пасть, он острыми зубами впился в ногу старика. Вскрикнул бедняга от боли и повалился на землю; далеко отлетели корзины, из них выпали змеи и быстро уползли в густую траву.

Падая, старик успел ухватиться за крепкий, упругий тростник, выросший на берегу. Крокодил наполовину высунулся из воды и изо всех сил тащил к себе жертву. Несколько минут длилась борьба. Выбившись из сил, старик стал уже сдаваться. Вдруг он выпустил из рук тростник, повернулся к чудовищу, схватил его за голову и быстрым движением руки ослепил. Взыв от боли, крокодил выпустил добычу и нырнул в мутную пенистую воду.

Несмотря на страшную боль, старик собрал все силы, отполз подальше от берега и принялся подбирать корзины. Они валялись тут же в густом кустарнике, но ни одной змеи в них не оказалось.

– Ушли! Мои милые спутники, дорогие друзья, все до одной ушли!.. О всемогущий Шива, разве затем ты спас меня от страшной пасти крокодила, чтобы разлучить с теми, кого я так любил. Верни мне моих змей, Рама, верни моих кормилиц!

Вдруг что-то зашуршало в траве, и к ногам старика подползла великолепная черная кобра, опаснейшая из ядовитых змей. Она подняла голову, раздула шею и издала легкий свист. Старый заклинатель отер слезы и стал на колени.

– А, это ты, красавица Сапрани, царица моя дорогая! – растроганно заговорил он. – Я был уверен, что ты не покинешь меня.

Старик бережно взял змею и сунул ее за пазуху. Видно, это понравилось кобре, она прижалась к груди старика и свилась клубочком.

Не теряя надежды вернуть и других беглянок, старик взял тумриль и стал наигрывать тихую, нежную мелодию. Но сколько не играл, сколько не звал беглянок, суля им всевозможные блага, – только эхо откликалось на его зов. Погоревал-погоревал старик, забрал пустые корзины и медленно стал взбираться на крутой берег.

Тем временем на чистом лазурном небе возшло солнце и горячими лучами облило равнину. Странник кое-как добрался до дороги, с которой на свою беду свернул в сторону, но тут силы оставили его. Изнемогая от усталости и боли, он остановился, положил посох и корзины на землю и прилег на краю дороги, хотя до гостеприимного крова, куда его так манило, было рукой подать. Но измученному путнику не под силу было добраться до жилья; совсем обессиленный лежал он на земле и всю надежду возложил на помощь Провидения.

Вдруг веселые звуки флейт и цимбал прервали грустные мысли старика. По дороге от Каунпора медленно двигалась толпа людей; окутавшее их до половины облако пыли казалось огненным столбом под ослепительными лучами солнца. Впереди бежали, подпрыгивая в такт музыки, молодые индусы в коротких шелковых туниках и золотистых шапочках на длинных

² Натхи – так в Индии именуют почитателей Шивы.

³ Шива (санскр. «благосклонный») – в индуизме бог-создатель и бог очистительного разрушения; одно из божеств верховной триады (тримурти), наряду с творцом Брахмой и вседержителем Вишну.

развевающихся волосах. Одни играли на флейтах, другие – на тамтамах и на цимбалах. Позади музыкантов шел огромный слон, покрытый роскошным чепраком. Вокруг слона гарцевало около двадцати всадников в богатой, сверкавшей золотом одежде и с длинными пиками в руках. В гаудах⁴ из массивного золота, возвышавшемся на спине слона, полулежал на бархатных подушках молодой человек. Темнокожий невольник держал над его головой большой парчовый зонтик. По чалме, обвитой золотым шнуром, всякий, знакомый с обычаями индусов, мог признать в путешественнике владетельного принца, а по шелковому шнурку, спускавшемуся на грудь тройным рядом, – члена священной касты браминов.

И правда, молодой человек был не кто иной, как могущественный принц Дунду-Пант-рао из дома Магарат, последний Пейхвах, то есть первосвященник. Но теперь из всех этих громких титулов у него оставалось только скромное звание князя Битурского, по имени небольшого поместья на берегах Ганга, оставленного ему англичанами взамен отнятого у его отца огромного царства. Тем не менее принц Дунду слыл за горячего сторонника новых властителей Индии. Он охотно водил с ними дружбу, бывал на их празднествах, и теперь возвращался из Каунпора, где был на блестящем балу у коменданта города, генерала Вейлера.

Судя по веселому смеху, с которым слушатели внимали рассказам принца, надо было полагать, что бал удался на славу. С оживленным видом, блестящими глазами описывал Дунду великолепное убранство комендантского дворца, роскошные наряды европейцев, их чарующую любезность; однако в его речах нетрудно было уловить иронический тон – он как будто поставил себе задачу возбудить в слушателях не восхищение, а зависть и недоброжелательство к иностранцам.

Вдруг до веселой толпы донесся жалобный стон. По знаку принца все разом остановились. Сам он, приподнявшись на подушках, взглянул вниз и увидел на краю дороги нищего с протянутыми к нему с мольбой руками.

– Это что за человек? – спросил дрогнувшим голосом Дунду.

– Я, государь, Мали! – ответил старик. – Мали, заклинатель змей, низко кланяюсь вашей светлости и умоляю сжалиться надо мной.

– Чего ты тут расселся у самой дороги, колдун? И зачем спозаранку выбрался из своего логова? – быстро спросил принц.

– Воля твоя, государь, но я не колдун. Сам грозный, могущественный Шива дал мне таинственную власть над всеми гадами... С месяц тому назад я отправился в Кайрахскую долину, где, как известно вашей светлости, каждые пять лет устраиваются ярмарки. Там по священному обычаю я заставлял своих змей плясать перед изображением кровавой Кали, но, видно, оскудела в народе вера – приношений было так мало, что на мою долю почти ничего не досталось. С пустыми руками шел я назад и думал сегодня добраться домой, как вдруг, переходя на рассвете овраг, чуть не угодил в пасть крокодила. Милость всемогущего Шивы спасла мне жизнь, но моя нога, моя бедная нога, так искусана, что я не могу двинуться с места. Сжался надо мной, государь, прикажи своим людям донести меня вон до той усадьбы. Я уверен, что сагибы приютят меня и позволят отдохнуть у них день-другой.

– Ого! Каким ты краснобаем стал, – произнес насмешливо принц. – Я не знавал за тобой такого таланта. Верно, научился у своих друзей, великодушных сагибов. Что и говорить, золотое у них сердце! Я тоже в этом не сомневаюсь. Однако, чтобы дать тебе возможность лишний раз убедиться в их милосердии, – оставляю тебя здесь. Прощай, старик!

Дунду сделал повелительный жест жожаку и снова важно развалился на подушках. Зазвучали флейты и цимбалы: шествие двинулось в путь и вскоре исчезло в облаках золотистой пыли.

⁴ Гаудах – большое кресло с балдахином, часто из золота или серебра. В нем могут поместиться до шести человек.

В порыве отчаяния несчастный старик поднялся с земли, сделал несколько шагов, но обессиленный потерей крови без чувств повалился на землю.

Глава II

Семейство Буркьен

Прав был старый Мали, рассчитывая на великодушие владельца усадьбы, до которой злой рок помешал ему добраться. Там жил знатный европеец по фамилии Буркьен – сагиб, как называют европейцев индусы, – известный во всем крае не только своим богатством, но и широкой благотворительностью. Буркьен был одним из крупнейших местных помещиков. Его земли тянулись по правой стороне Ганга более чем на двадцать тысяч гектаров, а в подвластных ему тридцати деревнях жила не одна тысяча крестьян.

Впрочем, Буркьен не был только пришельцем, как большинство европейцев, приезжающих в Индию, чтобы как можно скорее нажить состояние и опять вернуться к себе на родину с туго набитыми карманами. Дельцы эти безбожно эксплуатируют туземное население; немудрено, что оно относится к ним враждебно и вредит им, где только можно. Буркьена же считали скорее индусом, нежели европейцем. Если же переделали его фамилию в Бурхан, то есть «злой господин», то только по созвучию слов. «Злого господина» все подвластное ему население прямо боготворило за доброту и открытость. Мало того что Буркьен родился в Индии, он носил фамилию славного защитника Алигара генерала Гектора Буркьена, память о котором живет в сердцах благодарных индусов и в наши дни.

Генерал Буркьен, родом из Парижа, принадлежал к тем блестящим искателям приключений конца восемнадцатого века, которые шли на службу к индусским принцам, чтобы воевать с англичанами. Пятнадцать лет тянулась ожесточенная борьба, пока наконец в решительном сражении при Ласвари индусские войска, несмотря на чудеса храбрости своих военачальников – французских офицеров, не были разбиты наголову англичанами. При заключении мира победителями, между прочим, было поставлено условие не принимать на службу в индусскую армию французских офицеров.

Во время своего пребывания в Индии Гектор Буркьен женился на принцессе царской крови и получил за нею в приданое богатейшее поместье Гандапур на берегу Ганга между Каунпором и Битуром, где с разрешения английских властей и поселился с женой и сыном после битвы при Ласвари. Его сын, женившись на дочери брамина из Бенареса, навсегда поселился в Гандапуре и занялся разведением индиго. Дела у него пошли отлично, и он скоро удвоил свое состояние. После его смерти огромное состояние перешло к единственному его сыну Арману.

Арман Буркьен, состоя в родстве по матери и бабушке с представителями двух высших каст в Индии, с полным правом мог бы считать себя скорее индусом, нежели французом, но он свято хранил память о далеком отечестве своих предков и вскоре после смерти отца отправился во Францию. Там он женился на французенке и через два года снова вернулся в Индию. Когда сыну его Андре исполнилось двенадцать лет, он послал его в Париж заканчивать образование. С отъездом сына Буркьена стали преследовать несчастья: он потерял мать, а вслед за ней и свою нежно любимую жену, оставившую на его руках дочь Берту, прелестную четырнадцатилетнюю девочку, прозванную индусами феей Гандапура.

Одиночество так тяготило Буркьена, что он поспешил вызвать сына домой. В январе 1857 года Андре высадился в Калькутте, а через двадцать дней прибыл в Гандапур, как раз накануне того дня, с которого начинается наш рассказ.

Туземцы встретили Андре-сагиба, как прозвали они молодого Буркьена, так сердечно и с таким почетом, какой редко выпадает на долю и владетельных принцев. Не только из ближних, но и из дальних деревень собралось множество крестьян. Окруженный тысячной толпой Андре въехал на великолепном слоне в родной Гандапур.

Андре Буркьену только что минуло пятнадцать лет. Он был статный, красивый юноша с орлиным профилем и чудесными голубыми глазами. В его смуглом, словно бронзовом лице

сочеталась красота двух типов – французского и индусского. В Париже товарищи прозвали его раджей за горделивую, полную достоинства осанку, но все его любили за прямогу характера, отзывчивость и искренность и очень сожалели, что он покидает лицей.

Париж не пришелся по душе Андре, хотя и поразил его своим уличным движением, прекрасными домами-дворцами, памятниками и театрами. Мальчика, привыкшего к деревенскому простору и приволью, давили громады каменных зданий; ему, закалившему себя с юных лет на охоте в джунглях на диких зверей и не знавшему усталости, казалось скучно и тесно даже на широких бульварах. А про лицей и говорить нечего, для него это была настоящая тюрьма. Уезжая в лицей, он обещал отцу прилежно учиться и действительно сдержал свое слово – все время был одним из лучших учеников. Приказ отца вернуться домой несказанно обрадовал Андре. С первым же пароходом он отправился в Калькутту и, вступив на родную землю, все время находился в радостном, приподнятом настроении.

Сгорая от нетерпения повидать скорее милые знакомые места, он на другой день по приезде домой поднялся чуть свет и побегал в конюшню оседлать свою любимую верховую лошадку Джальди. Только успел он надеть уздечку, как услышал чьи-то легкие торопливые шаги, обернулся и видит: в двух шагах от него стоит его сестра Берта и грозит ему пальчиком:

– Попался, плутишка! Не успел приехать и опять куда-то хочешь удрать, а про верного друга, сестренку, и думать забыл.

– Забыть я не забыл, сестрица, а уж очень хотелось поскорее взглянуть на родные места... Поверишь ли, почти всю ночь проворочался с боку на бок – никак утра дожждаться не мог, а как рассвело, сейчас же на конюшню к своей Джальди: дай, думаю, прокачусь немного до завтрака.

– Не оправдывайтесь, сударь, все равно не поверю. Извольте-ка в наказание оседлать мою Нилу и поскачем вместе.

– Слушаюсь! – засмеялся Андре и крепко поцеловал сестру в обе щеки.

Мигом оседлав лошадей, молодые люди сели на них и пустились вскачь. Яркие лучи восходящего солнца золотили верхушки высоких пальм, но под густыми ветвями деревьев еще царил полумрак. Кругом далеко раскинулась необозримая равнина с прекрасно возделанными полями и зеленеющими пастбищами. Поля с пшеницей и ячменем такими высокими, что в них свободно мог скрыться всадник с лошадью, чередовались с полями, засеянными индиго с красивыми золотистыми султанами, разноцветными маками и сахарным тростником. Их окаймляли рощи из фиговых, лимонных, апельсиновых и других деревьев.

Андре вдыхал полной грудью живительный воздух родных полей и лесов и не уставал любоваться красотой ландшафта.

– Не понимаю, чем ты так восхищаешься? – недоумевала Берта.

– Тебя, Берта, все эти красоты природы не трогают, потому что ты здесь родилась, выросла и привыкла к ним.

– Думаю, наша Франция не менее прекрасна, – с легким вздохом промолвила девушка.

– Что и говорить, нет лучше и богаче в Европе страны, чем наша Франция. Если бы здесь умели так хорошо обрабатывать землю, как у нас во Франции, Индия смело могла бы прокормить миллиарды людей, а не двести или триста миллионов как теперь. Здесь, в Индии, на каждом шагу поражают грандиозность и величие природы; Альпы со своими снежными вершинами жалкие пигмеи в сравнении с Гималаями; Сена, Гаронна, Луара и Рейн, самые многоводные французские реки, вместе взятые, не могут сравниться с одним Гангом. В Индии под благодатным солнцем круглый год все зеленеет, а в Европе свинцовые тучи частенько закрывают солнце, дожди льют в лучшее время года, а как наступит зима – вся жизнь сразу замирает. Только изредка, и то ненадолго, показывается бледное тусклое солнце, деревья обнажаются, нет ни цветов, ни плодов, земля покрывается снегом; скованные льдом реки останавливаются. Все боятся высунуть нос из дома, а если и выходят, то не иначе как в теплых одеждах и все-таки частенько простуживаются.

– Брр! От одних твоих слов холод пробегает по спине! – воскликнула Берта.

– Правда, благодаря успехам цивилизации люди сумели и там приспособиться к переменам климата, – продолжал Андре. – И французы не только не считают себя несчастными, как ты думаешь, но вполне довольны своей судьбой. Нужда развила в них изобретательность и приучила к упорному труду. Избалованный благодатным климатом индус очень ограничен в своих потребностях: одеяние его состоит из куска материи вокруг бедер и легкой чалмы на голове; пища – из горсти-другой плодов, а жилищем служит шалаш из листьев. Иначе сложилась жизнь во Франции: там не обойдешься без теплой одежды, сытной пищи и хорошего дома, ведь в нем приходится проводить большую часть жизни. Во Франции нельзя сидеть сложа руки, там вечная борьба за существование. Неустанный труд, предприимчивость и гений французов создали первую в мире цивилизацию... Ну будет, я, кажется, расфилософствовался не хуже любого профессора, вместо того чтобы попросту восхищаться всею этой благодатью.

Тут послышались звуки флейт и цимбал, и вдали показался князь Битурский со свитой.

– Кто это? – спросил Андре.

– Это наш сосед принц Дунду, – ответила Берта. – Он, верно, был у кого-нибудь в гостях в Каунпоре и теперь возвращается домой.

– Дунду? В Каунпоре? – удивился Андре.

– Ну да в Каунпоре, – повторила Берта. – Не удивляйся, времена переменились. Помнишь, прежде принц чуждался европейцев и бывал только у нас, его ближайших соседей по имени, теперь же Дунду можно встретить частенько в обществе. Вскоре после твоего отъезда в Париж к нам назначили нового командира полка генерала Вейлера. Он пришелся всем по душе – действительно генерал на редкость хороший человек и джентльмен в полном смысле этого слова. Даже дикарь Дунду забыл свою неприязнь к чужестранцам, первый нанес ему визит и теперь частенько у него бывает... Да вот и он сам.

Как раз в эту минуту блестящая кавалькада, обогнув пальмовую рощицу, поравнялась с молодыми людьми. Музыка и веселые голоса разом смолкли. Принц приказал корнаку остановиться и приветливо сказал:

– Уже на прогулке? В такую рань? Приветствую в нашей благословенной стране Андре-сагиба, такого же, надеюсь, верного приверженца Пейхвахов в будущем, каким был его великий дед. Рад буду видеть вас у себя в Битуре. Ко мне на этих днях собираются мои друзья-англичане, не навестите ли и вы меня с вашим отцом?

– Отец не преминет воспользоваться вашим приглашением, – ответил Андре. – И мы с сестрой будем рады побывать у вас.

– Итак, до свидания! – сказал князь, любезно раскланиваясь с молодыми людьми, и подал знак корнаку ехать дальше.

Солнце начало уже сильно припекать.

– Пора бы вернуться домой, – заметила Берта, – папа, верно, давно нас ждет.

– А Ганга-то я еще не видел! – воскликнул Андре. – Ганга, нашего поильца и кормильца, как называют его индусы. Поскачем-ка скорее на поклон к всемогущему сыну Шивы, не то он разгневается и лишит нас своего покровительства. Отсюда до берега рукой подать!

Молодые люди пришпорили коней и понеслись вскачь. Вот уже яркой полосой сверкнула на солнце величественная река, как вдруг Джальди на всем скаку шарахнулась в сторону и чуть не выбросила Андре из седла. Андре сдержал лошадь, обернулся назад и не мог понять, что случилось с сестрой, – она остановилась, осадил лошадь назад, а сама сидит бледная как смерть.

– Что с тобой, Берта? – крикнул он. – Давно ли ты такой трусихой стала? Джальди, верно, забыла меня, но это ей даром не пройдет, я хорошенько ее проучу.

– Да что ты не видишь разве? – вскричала Берта, указывая рукой на дорогу.

Тут только Андре заметил лежавшего почти под ногами у лошади старого человека. Он мигом соскочил с лошади, передал сестре повод и подошел к лежащему. С трудом удалось Андре оттащить несчастного с дороги на траву. Осмотрев старика, он убедился, что тот жив, хотя платье его было все в крови, а на ноге зияла огромная рана. Оставив беднягу под присмотром сестры, – она несколько оправилась от испуга и тоже сошла с лошади. Андре побежал к реке, намочил платок и положил его на голову несчастного старика. Почти в тот же миг старик глубоко вздохнул, открыл глаза и с изумлением взглянул на молодых людей.

– Сагибы! – чуть слышным голосом проговорил он.

– Да, сагибы, бедняга, – сказал Андре, – сагибы, которые желают тебе только добра... Скажи, кто тебя так обидел?

– Сегодня, когда я чуть свет переходил через овраг, на меня напал крокодил, – ответил Мали. – Я так ослабел, что не в силах продолжать путь.

– Так давно лежишь на дороге и никто не помог тебе? – удивилась Берта.

– Проезжал тут принц Дунду, да вместо того, чтобы помочь, только посмеялся над моей бедой.

– Какой бессердечный! – воскликнула Берта. – Но успокойся, старик, мы тебя так не оставим. Пойдем с нами, ручаюсь, что отец не откажется приютить тебя.

– Спасибо на добром слове, госпожа, но мне не дойти до вашего дома. Оставьте меня здесь, и если будет ваша милость, пришлите немного поесть. Отдохну денек, а завтра соберусь с силами и как-нибудь доберусь домой.

– Нет, нет, тебе нельзя здесь оставаться, – сказал Андре. – От солнца и пыли рана твоя может загноиться, да и, кроме того, ты так слаб, что и думать нечего идти тебе дальше. Садись-ка на мою Джальди и едем потихоньку к нам.

– Этого я ни за что себе не позволю! – воскликнул Мали. – Знаете ли вы, кто я такой? Я нищий, презренный натх!

– Мне все равно, кто ты такой, – ответил Андре. – Садись на мою лошадь, я так хочу.

Решительный тон, которым были сказаны эти слова, подействовал на старика. Бормоча себе под нос что-то вроде извинения, он с оханьем и стонами встал на ноги и с помощью Андре взобрался на лошадь. Берта вскочила на свою Нилу, Андре взял в руки повод Джальди, и все тронулись в путь.

Трогательно было видеть жалкого нищего старика в обществе этих изящных, красивых молодых людей. Но для того, кто знает нравы Индии, знает, какая глубокая пропасть лежит между людьми разных каст, зрелище было не только умилительное, но и необычайное, – ведь этот старый заклинатель змей принадлежал к самой презренной касте, а молодые люди были сагибы, властители страны.

Можете судить, как велико было изумление многочисленной челяди, когда странная кавалькада въехала во двор усадьбы. Молодые люди не ошиблись – отец их пожалел несчастного старика, приказал поместить его в отдельном домике на ферме и оказать необходимую помощь.

Глава III

Царица змей

Наутро Андре с Бертой первым делом поспешили проведать старика. По дороге им попался врач-индус, возвращавшийся от больного, и рассказал, что рана его неопасна, так как страшные зубы крокодила не повредили костей, и дня через три-четыре Мали, вероятно по всему, совсем поправится.

Обрадованные хорошей вестью, молодые люди поблагодарили врача и поспешили к больному. Только подошли они к полуоткрытой двери, услышали, как старик с кем-то ласково так беседует. Остановились и стали слушать.

– Привет тебе, красавица царица, верная моя подруга, – говорил старик. – Когда в тяжелую минуту все бросили меня на произвол судьбы, ты одна не покинула Мали. Отныне тебя одну только буду любить и баловать. Куплю в Бенаресе тонкую кисейку и сделаю тебе мягкую постельку, украшу свой тумриль кораллами, чтобы веселить взор твоих глаз, таких же прекрасных, как глаза божественной Парвати. А поймаю опять беглянок, заставлю их в торжественные дни, как рабынь, пресмыкаться перед тобой.

«С кем это старик такие нежные речи ведет?» – недоумевали Андре с Бертой, заглянули в домик и остолбенели. На циновке из тростника полулежал старый Мали и нежно глядел на великолепную черную кобру. Она раздула голову, гордо выпрямилась из своих колец и словно завороченная сладкой музыкой похвал медленно покачивалась из стороны в сторону.

Берта с легким криком отскочила от двери.

– А, это вы, мои добрые господа! – обратился Мали к молодым людям. – Пожалуйста, пожалуйста! Простите меня, вашего раба, что не встаю, чтобы приветствовать вас, как должно. От всего сердца благодарю вас за ласку и доброту, да уготовит вам Вишну хорошую обитель в небесном жилище за ваше милосердие.

Заметив, что молодые люди не решаются близко подойти, он сказал:

– Не бойтесь, добрые господа, умная Сапрани знает, кто мне друг, кто враг, и вас-то уж наверное не тронет. Наши недавние приключения порядочно ее напугали, не будь этого, она при вашем появлении и с места не двинулась бы.

– Стало быть, вы это со змеей разговаривали? – спросила Берта. – Предупреждаю вас, что я страшно боюсь этих гадов, и папа велел убивать всех змей у нас в усадьбе.

– Всякие есть змеи на белом свете, – ответил Мали. – Я уверен, что ваш добрый и великодушный отец пощадит мою Сапрани. Да вы и сами, господа, когда присмотритесь к моей дорогой подруге, наверное полюбите ее.

– Ну, навряд ли! – заметил Андре. – Моя сестра ужасная трусиха, и никакие убеждения не заставят ее полюбить змей. За отца же могу поручиться, что он возьмет под свою защиту вашу любимицу Сапрани.

Берта недовольно сморщила губки, услышав отзыв брата о ее храбрости, но ничего не возразила.

– Как ты теперь себя чувствуешь? – обратился Андре к старику. – Доктор нам сказал, что ты скоро поправишься и будешь в состоянии продолжать путь.

– Я очень слаб, – ответил Мали. – Если бы вы разрешили мне побыть у вас еще несколько днейков...

– Стоит ли говорить об этом, – прервал его Андре, – живи, сколько хочешь, отец позволит.

– От всей души благодарю вас, добрый мой господин. Через денек-другой мне все-таки придется уйти. В эту злосчастную встречу с крокодилом я растерял всех своих змей, кроме Сапрани. Вероятно, они недалеко уползли от оврага, и мне удастся их поймать.

– На что вам эти противные гады? – воскликнула Берта.

– Эти отвратительные гады, госпожа, мои единственные кормилицы. Я их так хорошо выдрессировал, что они слушаются одного звука моего голоса. С ними я перехожу из города в город, из деревни в деревню и даю свои представления. Как только вокруг меня соберется толпа, я ставлю корзины на землю, берусь за тумриль и давай наигрывать. Задвигаются тут мои кобры, выползут одна за другой из корзинок, станут в ряд у моих ног, раздуют головы и ну танцевать в такт под музыку. Потом, одна за другой, обовьются вокруг меня, всползут на голову, и вот я ни дать ни взять настоящий Шива с венцом из змей с раскрытыми пастьями. Посыплются тут дождем медные монеты, я и богат – есть на что купить молочка и горсточку риса. И сам сыт, и змей накормлю. От Гималаев до священной реки Нербуды все хорошо знают могущественного заклинателя змей, Мали. Ни один праздник не обходится без меня, оно и понятно: никто лучше меня не сумеет заставить плясать змей перед алтарем кровавой Кали, никто так хорошо не вылечит от их ядовитых укусов и не поможет от дурного глаза, как я. Скажу по правде, я никому не делаю зла, но меня боятся и почти все презирают.

– А за что? – спросил Андре, с интересом слушавший старика. – Как нищий ты должен был бы пользоваться скорее всеобщим уважением, ведь у индусов оказывают особый почет тем, кто отрекся от благ мира.

– Меня презирают за то, что я жрец угаснувшего теперь культа. Когда-то весь мир молился перед алтарем бога-змеи, обвинявшего всю вселенную, и не только на нашем полуострове Джамбудвин, но и в холодных странах, откуда родом ваши предки...

– Конечно, – горячо заговорил Андре, – в то далекое время, когда люди еще не имели истинного познания о Творце, они поклонялись, как божеству, злему, коварному змию, но кумир первобытного человека – змий, перестал быть предметом поклонения, лишь только люди обрели познание истинного Бога – олицетворения добра, любви и милосердия... Довольствуйся, бедный Мали, тем, что змеи твои пляшут на потеху толпе, и не жди, чтобы им когда-нибудь вновь воздвигли алтари – алтари эти разрушены навсегда.

Заметив легкое облачко грусти на красивом челе старого заклинателя, Андре ласково сказал:

– Расскажи-ка нам лучше, как обещал, историю твоей любимицы Сапрани, мы с удовольствием послушаем.

Повеселел сразу старик и стал неторопливо рассказывать. Берта подвинулась к дверям, подальше от змей, а Андре уселся на циновку возле старика.

– Года два тому назад, – начал свой рассказ Мали, – как-то собрался я со своими змеями на ярмарку в Бильзу. Город этот, как вы знаете, находится у истоков священной реки Бетвы. Местность там дикая – другой такой во всей Индии не сыскать. Куда ни пойдешь, всюду горы, одна другой выше, да леса непроходимые, и народ там под стать, такой же дикий. Дикарей я не боялся – они считали меня чуть не полубогом и сами меня боялись. Куда страшнее были дикие звери – их там в дремучих лесах видимо-невидимо. Днем, а особенно в жаркую пору они прячутся по своим логовам, а на добычу выходят только ночью. Зная повадку зверя, пускался я в путь только, когда солнышко поднимется и хорошо обогреет землю. Иду как-то потихоньку, творя про себя молитву. Путь дальний, дорога трудная, а ничего, все обошлось благополучно – ни с одним хищником не повстречался, и осталось мне пройти до Бильзы всего-то одну деревеньку. Стал я расспрашивать про дорогу, мне и говорят: «Не ходи, старик, лесом, а ступай лучше в обход, не то не миновать тебе беды – у нас в лесу тигр-людоед объявился».

А лес стена стеной стоит, конца-края ему не видно. Пока его обойдешь, непременно к началу ярмарки опоздаешь. Для нас же, заклинателей змей, первый день на ярмарке самая доходная статья: то тебя позовут на религиозную процессию, то толпа соберется вокруг тебя, только успевай показывать своих змей и денежки получать.

Подумал, подумал я и махнул напрямки через лес. Бреду, а у самого душа замирает от страха; рад бы прибавить шагу, да очень устал и корзины тяжелы – кроме старых питомиц были у меня и молодые, которых я еще недавно поймал и не успел как следует обучить.

Долго я шел, часа два, может быть, и больше и уже стал подходить, как мне казалось, к опушке леса. Вот, думаю, хорошо, что не струсил и пошел прямым путем, как вдруг, обогнув большую скалу, чуть не нос к носу столкнулся с громадным тигром ростом с доброго буйвола. Затрясся я от страха, разронял корзины, а сам гляжу зверю в глаза и с места двинуться не могу, точно столбняк на меня напал. Заревел тигр, прыгнул на меня и мигом подмял под себя. Закрыв глаза, лежу под зверем и чувствую, как его острые когти все глубже и глубже вонзаются в меня. Прошла минута, другая, и вдруг я почувствовал себя на свободе, открыл глаза и вижу: мой тигр тут же, почти рядом, катается по траве и яростно рычит. А я и двинуться боюсь – вот, думаю,кинется сейчас тигр и покончит со мной. Но страхи мои были напрасны. Захрипел тигр, опрокинулся на спину, судорожно пошевелил лапами и затих. Подождал я две-три минуты, потом тихонько подошел, и что же я вижу: мой враг был мертв. Упал я на колени и вознес горячую молитву всемогущему Раме за свое спасение, затем собрал своих змей, спрятал их в корзины, и тут только заметил, что нет одной змеи, молодой кобры, самой умной и самой мне преданной. Обшарил я все кусты, нет нигде кобры, да и только. Собрался я совсем в дорогу, и захотелось мне еще раз взглянуть на тигра, подошел я – и что бы вы думали? – моя милая, славная Сапрани обвилась вокруг шеи тигра и впилась ему зубами в горло. Понял я тогда, кто спас меня от смерти.

В Бильзу я пришел в тот же день, и весть о моем чудесном спасении скоро разнеслась по всему городу. Народ ко мне валом повалил – всем хотелось посмотреть на царицу змей. И надавали же мне тогда денег и подарков всяких! Ну как же после этого мне не любить мою преданную Сапрани. Вот и вчера, когда со мной стряслась беда, одна только Сапрани не покинула меня.

– Правда, твоя Сапрани умное и преданное животное, – заметила Берта. – Прикажу давать ей каждый день по чашке молока, пусть лакомится.

Точно поняв, что речь идет о ней, умная Сапрани высунула осторожно голову из-под циновки, а затем и вся выползла. Переменившись в лице, Берта опрометью выбежала во двор. Андре храбро остался сидеть на циновке и стал разглядывать змею. Это была великолепная кобра, чуть не в два с половиной аршина в длину. Ее гибкое, упругое тело, покрытое черной чешуей, было усеяно правильно расположенными желтоватыми пятнами. По знаку хозяина она приподнялась и раздула голову, на которой резко обозначились два черных, похожих на очки пятна.

– Неужели такая небольшая змея может убить тигра в несколько минут? – спросил юноша.

– От укуса кобры тигр умирает меньше чем в четверть часа, – ответил Мали.

– А человек?

– И того скорее... Наши ученые утверждают, что яд кобры убивает человека в полторы-две минуты.

– Какой ужас! – воскликнул Андре. – Надеюсь, мы будем с Сапрани жить в мире.

– Будьте спокойны, дорогой сагиб, отныне Мали и Сапрани безгранично вам преданы! – с жаром сказал старик. – Можете вполне нами располагать.

Глава IV

У битурского раджи

Прошло несколько дней, и в Гандапур прибыл гонец, весь в золоте, с приглашением от принца Дунду.

Буркьен сначала думал вежливо отказаться от приглашения, так как после смерти жены избегал многолюдных собраний, однако, не желая портить добрых соседских отношений, а главное, лишая детей удовольствия, о котором они так мечтали, дал слово приехать в Битур.

Андре и Берта были в восторге.

– Одно только мне не нравится, – заметил Андре, – придется облечься во фрак и щеголять в таком неподходящем костюме на блестящем восточном празднике.

– А по-твоему, лучше вырядиться тебе плантатором, – засмеялась Берта, – а мне дикар-кой с перьями на голове и поясом из листьев.

– Зачем же непременно плантатором! – с досадой возразил Андре. – Но согласись, нелепо ведь в самом деле надевать фракную пару скучного черного цвета, когда к нашим услугам красивый костюм туземцев. Или, по-твоему, широкая шелковая одежда индусов и золотой тюрбан не пойдут мне?

– И как еще пойдут! – согласилась Берта. – Но ведь ты знаешь, англичане считают неприличным наряжаться европейцу в индусское платье.

– Что нам за дело до англичан! – горячо воскликнул юноша. – Они оттолкнули от нас туземцев своей манерой относиться ко всему с условной точки зрения приличия или неприличия. Вместо того чтобы жить с ними в дружбе и согласии, как это делали первые завоеватели Индии французы, они то и дело создают между собою и туземцами разные социальные перегородки, забывая о том, что в минуту опасности все это приведет только к лишним для них затруднениям. Зачем нам, франко-индусам, следовать их примеру? На месте отца я бы поступал не как англичане, а как наш дедушка Гектор Буркьен, умевший соединить интересы Франции и Пейхвахов.

– Да ты никак вздумал бунтовать против своего законного правительства и, что еще хуже, против отца! – смеясь, погрозила ему пальцем Берта. – Как бы вы ни были красивы и привлекательны в костюме раджи, господин революционер, а все-таки на этот раз придется вам облачиться в ненавистный черный фрак.

– Ты права, сестричка, – весело промолвил Андре, чмокнув Берту в щечку. – Болтаю что-то несуслазное... Однако мы с тобой сегодня еще не навестили Мали и его подругу, несравненную Сапрани.

– Меня нисколько не тянет посмотреть еще раз на его змею, – сказала Берта. – Все ее заслуги ничуть не примирили меня с этими противными гадами... Да вот и сам Мали идет к нам.

Мали действительно медленно направлялся к дому, опираясь на длинный красный посох. Андре с Бертой побежали навстречу своему старому другу.

– Мали, Мали! – закричали они в один голос. – Нас пригласили на праздник в Битур!

– Я не могу дождаться, когда мы поедем! – воскликнула Берта, хлопая в ладоши. – Говорят, праздник будет полоевропейский-полуиндусский. Днем нам покажут фокусников, танцы баядерок, а вечером состоится блестящий бал.

– Да будет проклят Дунду со всеми своими празднествами! – проворчал старик.

– Полно, полно, Мали, – промолвил Андре, – я знаю, ты недолюбливаешь принца. Что и говорить, нехорошо он поступил, бросив тебя больного и израненного на произвол судьбы, а все же мне кажется, принц уж не такой дурной человек, а только легкомысленный и тщеславный.

– Кто похитил у тигрицы детеныша, не должен забывать, что у тигренка отрастут со временем когти, – произнес загадочно Мали.

– Поэтично сказано, да не совсем к делу, – улыбнулся Андре. – Тебе все рисуется в мрачном свете. Вот недавно нашли наши люди рано поутру перед своими хижинами кем-то подброшенные мучные лепешки, по здешнему чапати, а ты и давай пророчить разные страсти. По-твоему, находка эта означала призыв к мятежу. «Пробил час, – будто так надо понимать призыв, – запасайся каждый хлебом и в путь-дорогу». И как же ты ошибся – лепешки съели собаки, а наши рабочие все на своих местах, никто и не думает уходить.

– Не всякому человеку, у которого есть глаза и уши, дано видеть и слышать! – торжественно изрек старик.

– Ну вот, опять пошли загадки! – с досадой проговорил Андре. – До свидания, Мали! Завтра расскажем тебе, как мы веселились в Битуре, может быть, перестанешь хмуриться.

И, взяв сестру за руку, побежал домой, оставив Мали проклинять, сколько ему угодно, своего врага, принца Дунду.

Наконец наступил день праздника, ожидаемый с таким нетерпением. Семья Буркьен отправилась на разукрашенной французскими флагами лодке в Битур, расположенный на том же берегу Ганга, где находился и Гандапур, только несколько выше по течению. Чудесно было плыть среди живописных берегов по широкой многоводной реке. Любуясь красивыми видами, молодые люди весело болтали и смеялись, и только старый Буркьен всю дорогу молчал и казался чем-то озабоченным. Недалеко от Битура Буркьены догнали целую флотилию лодок с гостями. Дальше поплыли все вместе, и стало еще веселее. Но вот лодки обогнули высокий бугор в том месте, где река делала крутой поворот, и взору гостей предстал дворец принца Дунду. Из уст сотен гостей вырвался единодушный восторженный крик.

Трудно вообразить себе что-нибудь более грандиозное и в то же время более воздушное и изящное, чем этот дворец. Весь из белого и розового мрамора он тянулся вдоль берега своим легким кружевным фасадом с балконами, башенками и колоннадами; резная мраморная лестница спускалась широкими ступеньками до самой воды. Над величественным зданием развевалось множество разноцветных шелковых флагов. Индусы в пестрых живописных нарядах толпились на террасах, устроенных над самой рекой, усеянной множеством лодок, каждая с позолоченной кормой и с развевающимся флагом на высокой мачте. Ослепительное южное солнце заливало горячими лучами всю эту яркую, красивую картину и придавало ей что-то волшебное.

Когда флотилия с гостями причалила к мраморным ступеням дворца, толпа приветствовала ее радостными кликами, а в саду грянул бравурный марш. Вопреки правилам индусского этикета принц Дунду сам принимал на берегу гостей, любезно приветствуя их. При виде Буркьена он просиял и поспешил к нему навстречу.

– Благородный сирдар⁵, очень счастлив видеть вас и ваших прелестных детей. Несмотря на ваше обещание, я не смел надеяться, что вы ко мне пожалуете. Но поверьте моему слову, праздник был бы для меня не в праздник, если дворец наследника Пейхвахов не удостоил бы своим посещением потомок одного из преданнейших приверженцев.

– Времена эти миновали. Теперь нет более Пейхвахов, а сам я скромный помещик и только, – ответил Буркьен.

Ничего не сказал Дунду, взял под руку Буркьена и стал подниматься по мраморной лестнице. Андре с Бертой шли позади и делились впечатлениями.

– Обрати внимание, Андре, – говорила девушка, – мы ведь идем по настоящим кашемирским шалам.

⁵ Сирдар – почетный титул, то же, что по-французски герцог, был пожалован магаратскими королями деду Буркьена.

– У богатых индусов повсюду так принято, – ответил Андре. – Шали служат у них только ковром; они берут их с собой, чтобы расстилать на мраморных плитах, прежде чем на них сесть... А посмотри, как пышно разодеты гости! Вот этот, например, в доспехах из железа и золота, чем не средневековый рыцарь? А тот, что с ним рядом стоит – в шелковой одежде, – точь-в-точь придворный Генриха Третьего.

– Жаль, что мы не можем видеть принцесс, – заметила Берта. – Воображаю, сколько на них золота и драгоценных камней.

– Ишь, чего захотела! – засмеялся Андре. – Его светлость Дунду-Пант-рао не настолько еще цивилизован, чтобы позволить принцессам и придворным дамам появляться перед нашими нечестивыми взорами. Впрочем, тебя, может быть, и проведут на женскую половину.

Не переставая болтать, они незаметно поднялись по лестнице и, миновав стоявших шпалерами слуг с опахалами из павлиньих перьев, очутились в чудесном саду. Вымощенные розовым мрамором аллеи с деревьями в цвету. В воздухе витал аромат распускающихся цветов. По узким каналам, выложенным мозаикой, изображавшей рыб и цветы, журчали звонкие ручейки и вливались в отдельные бассейны, из которых били фонтаны тысячами струй.

В конце сада высился великолепный павильон; сотни алебастровых колонн поддерживали его купол. В павильоне был сервирован завтрак, фрукты и индусские шербеты. Лишь только гости уселись за стол, из резервуаров на крыше полилась широкими потоками вода, образуя вокруг павильона прохладную стену, переливавшуюся на солнце всеми цветами радуги.

После завтрака гостей пригласили во дворец. Их ввели в огромные парадные залы. Стены этих зал, разукрашенные сверху донизу золотыми арабесками со вставленными в них бесчисленным множеством крохотных зеркальных стеклышек, сверкали тысячами огней. Из зал гости прошли в галереи миниатюр, далее в покои, специально устроенные для послеобеденного отдыха, с мраморными стенами, украшенными мозаикой из драгоценных камней.

Осмотрев все достопримечательности дворца, гости собрались в обширном зале, где обыкновенно давались представления. Когда все разместились по местам, слуги подали дамам розовую воду в серебряных кувшинах, а мужчинам – кальяны с благовонным табаком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.